

Клечинский Ян

Как исполнять Шопена?

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я60

Я60 **Ян К.**
Как исполнять Шопена? / Клечинский Ян – М.: Книга по Требованию, 2025. –
103 с.

ISBN 978-5-519-89305-3

ISBN 978-5-519-89305-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛЕКЦІЯ I.

Содержаніе: Вступленіе.— Почему такъ трудно исполнять сочиненія Шопена?—Біографія и характеристика.—Двѣ силы, борющіяся между собой въ его духѣ: веселость и тоска.—Первыя произведенія Шопена. „*La ci darem la mano*“.—Концерты, Фантазія ор. 13, Краковскъ, ор. 14.—Выѣздъ за границу.—Вѣна.—Парижъ.—Дальнѣйшія произведенія: „*Scherzo H—moll*“.—Поктюры, Баллады.—Сочиненія Шопена не разстраиваютъ нервовъ.—Прелюдіи.—Похоронный маршъ.—Мазурки.—Послѣднія произведенія Шопена нѣсколько менѣе ясны и просты.—*Polonaise — Fantaisie*. — Положеніе Шопена въ ряду прочихъ музыкантовъ.

Вскорѣ исполнится уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ дорогой для всѣхъ насъ художникъ мирно почилъ. Въ то время, какъ кругъ его почитателей съ каждымъ днемъ все болѣе расширяется,—увы!—число его ровесниковъ, друзей, повѣренныхъ его задушевныхъ мыслей все уменьшается. Традиція его несравненной игры все болѣе и болѣе становится не-

ясной, живо и нерушимо сохраняясь только въ душѣ его болѣе способныхъ учениковъ и особенно женщинъ, которыя *счастливые* всѣхъ умѣютъ раскрывать предъ нами чары его поэтического вдохновенія. Да, уже пора начать собирать перлы этихъ драгоценныхъ воспоминаній, пора постараться спасти отъ забвенія эти крупинки, остатки традиціи и передать ихъ позднѣйшимъ поколѣніямъ.

Я не былъ настолько счастливъ, что-бы лично и у самого источника почерпнуть необходимое руководство, однако я старался приобрѣсти его отъ лицъ, весьма близко связанныхъ съ Шопеномъ узами дружбы и таланта *),—и тѣмъ, что принесли мнѣ они, равно какъ и тѣмъ, что позволилъ мнѣ достигнуть въ этомъ предметѣ мой духовный и умственный трудъ,—я считаю первѣйшей обязанностью подѣлиться съ обществомъ, будучи увѣренъ, что можетъ быть этотъ трудъ поощрить лицъ, также какъ и я, а можетъ быть и лучше моего освѣдомленныхъ, обладающихъ цѣнными матеріалами, также принести ихъ въ даръ почитателямъ гениальнаго артиста.

О Шопенѣ писано достаточно, особенно въ по-

*) Къ нимъ я прежде всего причисляю: Книгиню Марцелину Чарторійскую, замѣчательную исполнительницу произведеній Шопена, любезныя указанія которой были весьма многочисленны и цѣнны; дальше, м-мез Дюбуа, Залѣскую, г-на Юліуса Фонтана и др.

слѣдніе годы. Его характеръ, его обликъ и произведенія были предметомъ длинныхъ и обстоятельныхъ комментарій. Хотя среди иностранцевъ не всѣ, какъ мы это увидимъ ниже, вѣрно его цѣнили, однакоже нельзя отрицать того, что нѣкоторые изъ нихъ изобразили намъ его духъ довольно вѣрно. Къ таковымъ, изъ прежнихъ, принадлежатъ: Листъ, Шуманъ; изъ болѣе новыхъ—Schuchт (авторъ большой рецензій о сочиненіяхъ Шопена, помѣщенной въ „Neue Zeitschrift für Musik“, въ 1875 г.). Геніальная книга Листа даетъ намъ особенно глубокое и поэтическое понятіе о духѣ сочиненій Шопена. Наши авторы, насколько мнѣ кажется, еще лучше иностранцевъ сумѣли указать характерныя особенности и богатство его творчества, — поэтому казалось бы, что тайна исполненія произведеній этого художника должна быть уже точно изслѣдована. И однакоже, какъ рѣдко,—какъ въ салонахъ, такъ и на концертной эстрадѣ,—встрѣчаемся мы съ хорошимъ толкованіемъ его безсмертныхъ твореній; какъ рѣдко особенно у лицъ, не бывшихъ учениками Шопена встрѣчаемъ мы слѣды его традицій! Сколько, наконецъ, есть такихъ, которые глубоко *чувствуютъ* Шопена, сыграть-же его такъ, какъ это-бы имъ желалось,—имъ безконечно трудно!

Причина, насколько могу судить, заключается въ томъ, что произведенія Шопена не только заключаютъ въ себѣ безконечное богатство мысли и духа

(въ чемъ, впрочемъ, иные художники съ нимъ равняются, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ даже и превышаютъ),—но они кромѣ того все исключительно *фортепіанная* и безконечно богатая и прихотливая относительно своей формы. Платыце на этихъ красивыхъ мысляхъ такое сублильное и поэтическое; его складочки и оттѣпки такъ подвижны и неуловимы, что безпрерывно повергаютъ въ отчаяніе того, кто хочетъ ихъ изучить. Кромѣ того общеизвѣстнаго фона, по которому узнаешь его стиль, видишь его попеременно то серьезнымъ, то веселымъ, полнымъ отчаянія или шаловливаго юмора, иногда даже мечущимъ громы, то снова издающимъ трогательные стоны—и всегда достигающимъ одинаково законченной *формы*, всегда удерживающимся въ извѣстныхъ границахъ, выйти изъ которыхъ ему не позволяетъ его эстетическій инстинктъ.

Итакъ, мы еще разъ сдѣлаемъ небольшой опытъ надъ духомъ произведеній этого художника рояля, а потомъ, обратившись къ подробностямъ, укажемъ техническія условія для хорошаго исполненія его сочиненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разницу между нимъ и другими художниками,—разницу, являющуюся поистинѣ главной причиной всѣхъ затрудненій.

I.

Происходя отъ отца француза и матери польки,

Фридрихъ Шопенъ имѣлъ въ себѣ многое изъ той и изъ другой народности. Отъ природы одаренный глубокой впечатлительностью и чувствительностью, склонный къ мечтательности и грусти, — онъ при всемъ этомъ обладалъ также и необыкновенной живостью и остротой ума. Эти два, сами по себѣ прямо противоположные элемента сливались въ немъ въ чудную гармонію и попеременно проявляются какъ въ его жизни, такъ и въ его сочиненіяхъ. О немъ справедливо сказалъ Тарновскій: «онъ обладалъ веселымъ умомъ, но грустнымъ сердцемъ». Въ кругу самыхъ близкихъ къ себѣ особъ откровенный и веселый подчасъ даже до ребячества, — онъ съ чужими былъ совершенно инымъ: какъ «Нетронь меня» онъ закрывалъ лепестки своего сердца при прикосновеніи безучастной руки. Именно въ этомъ его свойствѣ мы находимъ ключъ къ уразумѣнію какъ его юношескихъ порывовъ, такъ и его позднѣйшихъ страданій. Веселый и счастливый, — пока находился среди своихъ въ родительскомъ домѣ, — онъ проявлялъ въ своихъ сочиненіяхъ этотъ свободный и милый юморъ. Только по мѣрѣ все болѣе и болѣе продолжительнаго удаленія отъ своихъ, сердце, лишенное возможности открываться, нѣсколько гордое для того, чтобы дѣлиться своей скорбью съ тѣми, которые не могли заступить для него семьи и... дома, — оно вдвойнѣ страдало отъ этой массы невысказанныхъ мукъ; оно, конечно, страдало и отъ того, что эти муки, запер-

тыявъ себѣ самихъ, усиливались до безконечности и раз-
 рослились до трагическихъ размѣровъ. Однако,
 его благородная и жизненная природа не разъ
 успѣшно боролась съ отчаяніемъ и не до-
 пускала его духа до полного упадка. Прибавимъ къ
 этому его нѣжный и высоко эстетическій, изыскан-
 ный организмъ, — и все это значительно освѣтитъ
 намъ смыслъ нѣкоторыхъ его сочиненій и средства
 къ ихъ пониманію. Нѣмецкіе критики, по моему
 мнѣнію, потому именно бросили весьма невѣрный
 свѣтъ на обликъ Шопена, что сдѣлали его какимъ-
 то страдающимъ всю свою жизнь, — какимъ-то ми-
 норнымъ богатыремъ, забывая объ очаровательной
 эпохѣ его самой ранней молодости, такъ счастливо
 проведенной въ Варшавѣ: о его несравненныхъ въ то
 время юморѣ и остроуміи, о нерѣдкихъ подобныхъ-
 же минутахъ въ его *парижской* жизни — и вмѣстѣ
 съ этимъ не умѣя въ его Мазуркахъ и послѣднихъ
 Полонезахъ подмѣтить этой смѣлой и мужествен-
 ной ноты, свидѣтельствовавшей, что духъ его не
 поддавался исключительно страданію и что онъ со-
 хранилъ въ себѣ большую силу воздѣйствія, кото-
 рую только уже подъ конецъ жизни ослабили про-
 должительныя *физическія* страданія. Многіе изъ нихъ,
 и между ними даже Шухтъ (Schuch), не будучи
 все таки въ состояніи не замѣтить въ этихъ произве-
 деніяхъ жизни и энергіи, приписывали эти прояв-
 ленія взрывамъ какой-то *дикой* веселости, якобы оче-

виднѣе всего свидѣтельствующей о его байроническомъ, отчаянномъ душевномъ настроеніи!

Между тѣмъ, какой веселостью, какимъ избыткомъ жизни брызжутъ эти первыя произведенія Шопена, писанныя въ Варшавѣ частью подъ руководствомъ Эльснера, а частью уже вполне самостоятельныя! Послушаемъ, напримѣръ, что говоритъ Шуманъ о варьяціяхъ изъ Донъ-Жуана, ор. 2: «Смотря на лежащее предо мной сочиненіе, я испытывалъ такое чувство, какъ будто-бы оттуда смотрѣли на меня все неизвѣстные мнѣ глаза, глаза цвѣтовъ, василисковъ, глаза павлиньи, глаза дѣвичьи... мнѣ казалось... что мнѣ подмигиваетъ Лепорелло, а Донъ-Жуанъ пролетаетъ передо мной въ бѣломъ плащѣ... Въ общемъ, оно вполне драматическое и достаточно Шопеновское; тутъ въ каждомъ тактѣ видѣнъ геній.— Донъ-Жуанъ, Церлина, Лепорелло и Мазетто охарактеризованы замѣчательно;... первая варьяція, можетъ быть, нѣсколько барская и щегольская, — въ ней испанскій грандъ весьма изыщно воркуетъ съ деревенской дѣвушкой. Отношеніе уже измѣняется во второй варьяціи, болѣе фамиллярной, *комической* и болѣе сварливой; кажется, будто любящаяся парочка гоняется другъ за дружкой и *болѣе*, чѣмъ обыкновенно, *смѣется*. И однако, какъ все ново въ третьей! Она преисполнена сіяніемъ луны и волшебнаго очарованія; Мазетто точно стоитъ въ сторонѣ и ворчитъ вполне внятно, но однако, это нисколько не

мѣшаетъ Донъ-Жуану... Что-же теперь въ четвертой варьяціи?.. *да развѣ она не прыгаетъ смѣло и вызываяще*, развѣ она не порывается впередъ?.. *Adagio* написано въ *B-moll*, что чрезвычайно умѣстно, потому что какъ бы рисуешь Донъ-Жуана съ нравственной стороны въ виду его намѣреній. Дѣйствительно, нехорошо и некрасиво, что Лепорелло подслушиваетъ за кустами, подсмѣивается и зубоскалитъ; что кларнетъ и гобой очаровательно увлекаютъ и что введенный *Des-dur* весьма рельефно *изображаетъ первый поцѣлуй*... Но все это ничто въ сравненіи съ финаломъ; («есть-ли тамъ еще вино?» — спрашиваетъ Шуманъ въ скобкахъ!); этотъ финалъ тутъ весь какъ у Моцарта,—тутъ *однѣ только стрѣляющія пробки отъ шампанскаго, звенящія бутылки*. Среди всего этого голосъ Лепорелло; потомъ духи-похитители и убѣгающій Донъ-Жуанъ... затѣмъ конецъ, который отлично успокаиваетъ и вполне заканчиваетъ».

Если въ то время даже на иностранцевъ производили подобное впечатлѣніе эти первыя сочиненія Шопена, то насколько же больше они говорятъ намъ, которые въ нихъ не только цѣнимъ ихъ общую красоту, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ также и ноту собственнаго сердечнаго юмора, такъ свободно играющую въ нихъ! Прислушаемся къ этимъ блистательнымъ пассажамъ, къ этимъ жемчужнымъ каскадамъ *таккато*, къ этимъ смѣлымъ скачкамъ, которые мы встрѣчаемъ, то въ *Рондо ор. 5* и *ор. 16*, то въ

Краковьякъ, или въ *Фантазіи* на польскія темы,—то, наконецъ, въ обоихъ *концертахъ*. Развѣ скорбь и отчаяніе выражаются въ этихъ нотахъ? Не будетъ ли это скорѣе та свободная, все расталкивающая сила, та неудержимая жажда жизни, та любовь къ человѣчеству, ко всему, что окружало художника,—словомъ, та счастливая и благородная молодость, которая бьетъ, подобно источнику кристальной воды! Есть тамъ и задумчивость, есть и меланхолія,—но эти чувства умѣренны и выдѣляются только какъ необходимая тѣнь для отгѣненія свѣта. Напримѣръ, какъ чудно, какъ эстетически звучитъ въ *Фантазіи ор. 13* варьяція на тему Куприньскаго *). Какъ раскрывается при ней сердце, какія слезы грусти и душевнаго умиленія струятся у насъ по лицу! И когда уже... уже мы расположены окончательно разстроиться, авторъ останавливаетъ свою мысль на длинной трели—и вдругъ... беретъ сильный аккордъ и посредствомъ блестящаго хода ведетъ насъ къ рѣзвому Обертасу, гдѣ ужъ чувствуется деревенскій свадебный пиръ и точно звенятъ подковки и затягива-

*) Эта варьяція, равно какъ и нѣкоторыя изъ ниже приводимыхъ отступленій, были исполнены во время лекцій. Печатать ихъ въ текстѣ я считалъ лишнимъ, потому что читатель, желающій извлечь пользу изъ настоящаго этюда, очевидно долженъ обязательно имѣть подъ руками полное изданіе сочиненій Шопена. Волѣе же короткіе примѣры, чтобы не слишкомъ отвлекать вниманіе, я помѣстилъ въ текстѣ.

ется кѣмъ-то настоящая мазовецкая пѣснѣ.*) Или финаль изъ концерта *F-moll* тоже только потому, что написанъ въ минорной тональности, долженъ быть, какъ говорятъ нѣмцы, символомъ какого-то особеннаго, безнадежнаго настроенія?

Наконецъ, можетъ быть минорную ноту нѣкоторыхъ Мазовецкихъ танцевъ удастся объяснить поговоркой: «*choc biéda to hosc*», т. е. «хоть и горе, а веселиться надо»; но это-то именно обстоятельство и придаетъ этимъ танцамъ высокоэстетическое значеніе и не заключаетъ въ себѣ ничего *дикаго*. Вѣдь печаль, отчаяніе и вообще всѣ отрицательные факторы человѣческой жизни могутъ быть перенесены въ область искусства, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ихъ уравновѣшивалъ какой-нибудь положительный элементъ, кака-нибудь приносящая успокоеніе надежда, наконецъ, кака-нибудь сила, граничащая съ возвышенностью и спасающая духъ отъ упадка. Вѣдь и группа Лаокоона тоже эстетична, хотя въ ней страданіе представлено болѣе слабымъ факторомъ, побѣжденнымъ возвысившейся надъ нимъ силой духа; вѣдь и статуя Ніобы тоже вполне эстетична, потому что чувство материнской любви, возвысившейся до идеала, придаетъ ей то именно неземное спокойствіе, которое душу зрителя освящаетъ и воз-

*) Тема этого Куявяка народна, — она находится въ сборникѣ пѣсней Кольберга.